

В любом обществе обязательно бывают люди, чья мысль опережает время, взгляды современников, которых понимаем с опозданием. Таким был мой земляк и друг, у кого я останавливался жить, будучи в Тюмени, сибирскотатарский поэт Булат Сулейманов, которому я посвятил в общем-то рядовой рассказ свой «Шамайка» в книге «Земляки». Он был именно таким в свое время – великим в мыслях и движении души и наивным, беспомощным в поступках повседневных, житейских. Как юнец, очарованный наступившей эпохой гласности и зачатков перемен, он пишет, а «Тюменская правда» в качестве полемической наживки публикует статью «Сибирские татары. Кто мы?», где со своей колокольни доказательно, а с точки зрения оболваненной толпы крамольно пишет о проблеме языка, литературы, культуры и искаженной доселе истории сибирских татар. Из этой его статьи я впервые узнал и заинтересовался тем, что, оказывается, сибирскотатарский язык имел свою письменность на основе арабского алфавита, входил в число дипломатических языков.

Ох и развернулась тогда драка! Всем скопом набросились на одинокого, без того битого не раз в течение долгих лет творчества поэта. В этой толпе, слепой и не созревшей до восприятия свежего взгляда, оказались и защищаемые Булатом татары. Он писал: нет языка – нет народа (так называлась другая его проблемная статья), а мой классный руководитель, когда-то как математик доказывавший нам превосходство рубля над долларом, на всю область на примерах своих учеников (без меня – не знал, кем я стану, а то бы вошел в список) гневно распекал оппонента Сулейманова. Мол, ничего страшного не было, зато обученные в русифицированных татарских школах его воспитанники стали больше поступать в институты (чего только не бывает на свете! Мои две сестренки, с первого класса засевающие за парты с русскими учебниками по всем предметам, так и не получили высшего образования, а я, все 10 лет обучавшийся по татарским учебникам, стал русскоязычным писателем).

Но разве об этом болела душа поэта Сулейманова? Он говорил лишь, что нельзя было повально увлекаться этим. Татары, между прочим, любое указание обязательно перевыполнить норовят, как тот русский дурак из пословицы. Мы лучше всех уничтожили свои мечети. Лучше других перевыполнили перевод на русские учебники. И татарский язык стали преподавать в объеме, как я когда-то учил немецкий.

В результате выросло целое поколение, не овладевшее в полной мере русским, зато оторванное от татарской культуры... навсегда. Родной язык остался на уровне разговорно-бытовом для общения с не обрусевшими дедами.

Кому в Тобольске мешала татарская газета? – вопрошал в своих статьях Булат Сулейманов. Почему надо было закрывать татарские клубы, до нуля низвести там татарские школы, учебники, затем за ненадобностью и татарское педучилище? Разве этим завоевывается авторитет у русского человека? До перестройки, когда нельзя было что-либо издать, опубликовать на эту тему, Булат ездил по районам области, выступал в школах, институтских аудиториях, клубах. И, как всегда, на тот самый вопрос тривиальный, как он стал поэтом, объясняя и говоря об истоках,

приведши его к поэтическому творчеству, к перу, начинал рассказывать о перевранной советскими учебниками истории нашего народа, неверном преподнесении темы взаимоотношений русского и татарского народов.

Еще в те далекие семидесятые, когда мы снова полюбили Сталина, пели оды трудам – государственным и литературным – Брежнева, Булат рассказывал, что сибирские татары, как и все другие татаризированные разные этносы, не с монголами пришли и захватили территории, где живут, а завоеваны чингизидами, колонизированы и как рабы-щиты, рабы-оружие (а часто и добровольно, ведь всегда брали кнутом и пряником) были вовлечены в дальнейшие войны и походы против Руси, Европы.

Раз не с монголами, значит, была у татар другая дорога, приведшая в Сибирь, и шла она с Алтая, и жили татары на своих сибирских просторах за сотни лет до Кучума, с которым воевали, которому покорились насильно физически, но не духом. Затем им пришлось одним с Кучумом воевать против Ермака, другим, помня о завоевании Кучумом, пассивно оставаться в тени.

Эти ошеломительные откровения, правда Булата вызвали шквал самых разнообразных откликов в периодике – от восхищения до полного непонимания. И в те годы, и после его статьи в «Тюменке» требования «читателей» были одни: не может такой очернитель оставаться членом Союза писателей СССР, ату его! Когда в декабре 1990 года в Тюмени собрался съезд населения области для создания ассоциации татар «Сыбыр» (трактовка Сулейманова, хотя, по мне, по произношению надо было именовать «Себер» – от «себеру», т.е. мести, в смысле «сметенный народ» – таково этнонимичное самоназвание сибирских татар), весь зал рукоплескал, скандировал, предлагая Булата в президиум, в докладчики, содокладчики наконец...

Но триумф его тут же сменился трагедией. Рвавшаяся к власти национальная элита, не желавшая допустить его в свои ряды, была хорошо подготовлена: народу, всегда уважавшему мнение властей предрежущих, запустили аргументированный ответ тогдашнего зампреда областного комитета, который и «показал», «открыл» народу «истинное» лицо Булата Сулейманова: дескать, на одном важном мероприятии он, допущенный к трибуне, выпалил не к месту: «Вы, русские, – кильмешяки (приблудившиеся кошки) на сибирской земле»...

Я сидел и думал: неужели мой собрат мог такое написать, да еще принародно это читать? Теперь перечитываю это стихотворение поэта и диву даюсь. Нет сильнее удара, когда бьют человека его же словами. Если б тогда зачитали истинно его строки! «Мы, татары, – не кильмешяки на этой земле – на родине своей поем», – писал он.

После этого злополучного съезда, когда была создана ассоциация, неизвестно чем занимающаяся, Булат прожил неполных два месяца. Ему шел всего-то 53-й год, он был в расцвете своего дарования. Обиду от своих он не пережил. Запил, желая залить израненное сердце, и в одиночестве, не дотянувшись до телефона, застыл...